

Изъ исторіи старославянскаго аориста.

Въ числѣ немногихъ морфологическихъ примѣтъ языка древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ едва-ли не самую удивительную представляетъ употребленіе окончанія -тъ во 2 и 3 лицахъ аориста такихъ глаголовъ, какъ клати, жарѣти и бити. Явленіе это обращаетъ на себя вниманіе прежде всего своею *исключительностью*. Кромѣ небольшой группы «архаическихъ» глаголовъ, стоящихъ въ системѣ славянскаго спряженія совершенно особнякомъ, остальные глаголы, какъ извѣстно, не сохранили въ этой категоріи и слѣда какой-либо флексіи. Только вышеупомянутая группа глаголовъ является въ этомъ отношеніи рѣзкой дисгармоніей.

Такую двойственность въ образованіи одной и той же формы обыкновенно объясняютъ вліяніемъ настоящаго времени, въ силу котораго рядомъ съ болѣе древними формами кла, жарѣ и би явились по аналогіи образованія: клатъ, жарѣтъ и битъ. Съ тѣхъ поръ какъ Шлейхеръ¹⁾ впервые привелъ основанія для этого психологическаго объясненія, послѣднее сдѣлалось до такой степени популярнымъ въ научной литературѣ, что въ настоящее время, кажется, не найдется ни одного ученаго, который бы

1) Formenlehre der Kirchenslav. Sprache, Bonn, 1852. S. 337—339.

сомнѣвался въ его правильности. Какъ положеніе, окончательно доказанное, оно вошло и въ «Handbuch der altbulgarischen Sprache» Лескина, какъ извѣстно, не очень щедрога на гипотезы¹⁾.

Не отрицая нѣкоторыхъ достоинствъ за такого рода объясненіемъ, мы должны, однако, сознаться, что эта популярность не оправдывается логичностью ея обоснованій. Начать съ того, что наиболѣе вѣскія, на первый взглядъ, доказательства оказываются при ближайшемъ разсмотрѣніи основанными на предвзятыхъ посылкахъ. Такъ напр., если для Шлейхера²⁾, однимъ изъ важнѣйшихъ аргументовъ невозможности архаическаго происхожденія формъ *клатъ* и т. п. служитъ несоотвѣтствіе флексіи этихъ формъ ожидаемому окончанію **t* историческихъ временъ, то этотъ фактъ имѣлъ бы для насъ доказательную силу лишь въ томъ случаѣ, если бы мы знали навѣрное, что праславянскія окончанія секундарныхъ образованій были *всегда* тождественны съ индоевропейскими. На такомъ же, въ сущности, «*restitutio principii*» построено и другое доказательство, которымъ пользуются въ своихъ изслѣдованіяхъ Лескинъ³⁾ и Ягичъ⁴⁾. По мнѣнію послѣднихъ ученыхъ, формы *клатъ*, *жръѣтъ* и т. п. должны были бы звучать **клатъ*, **жръѣтъ* и пр., если бы онѣ были образованіями архаическими. Но что принуждаетъ насъ видѣть въ этихъ формахъ именно сигматическій аористъ? Логически нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, чтобы наши формы были и образованіями *сильнаго аориста*, какъ именно и объяснял ихъ Миклошичъ, въ первомъ изданіи своей «Сравнительной Грамматики славянскихъ языковъ»⁵⁾. Какъ на косвенное под-

1) S. 130 (3 изд.).

2) О. с. стр. 338.

3) Ueber der Dialect der russisch. Volkslieder des Gouvernement Olonec. Beitr. z. vergleich. Sprachg. B. VI, 185.

4) Маріинское четвероевангеліе. Спб. 1883, стр. 453, 454. Ср. также его «Четыре критико-палеографическія статьи». Спб. 1884, стр. 94.

5) Vgl. Gr. B. III¹ (Wien 1852). S. 87 Впослѣдствіи Миклошичъ отказался отъ своего мнѣнія (ср. его «Beitr. zur altslov. Grammatik» въ Sitzungsber. Вѣнской Акад. Наукъ, B. LXXXI, S. 109.

твержденіе своей гипотезы, всѣ три лингвиста указываютъ на формы аористовъ первообразныхъ глаголовъ: *кѣста*, *дѣста* и *иѣста*, заимствовавшихъ будто-бы свою флексію изъ соответствующаго лица настоящаго времени. Но не говоря уже о томъ, насколько безспорно положеніе о бѣльшей первоначальности формъ Остромирова Евангелія сравнительно съ глаголическими, намъ кажется, въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы форма *кѣста* представляла относительно *кѣ* новообразование. Какъ извѣстно, первая изъ этихъ формъ встрѣчается въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ исключительно въ прямой рѣчи, а вторая исключительно — въ условныхъ періодахъ. Но кромѣ послѣдней формы въ тѣхъ же случаяхъ наши памятники знаютъ и другую форму вспомогательнаго глагола -*ки* (отъ *кѣма*). Не подлежитъ сомнѣнію, что такой дуализмъ въ образованіи условнаго наклоненія существовалъ не искони, но ведетъ свое начало изъ того сравнительно поздняго времени, когда формы аориста *кѣма* почему-либо стали выходить изъ обихода рѣчи. Когда именно это произошло, мы не можемъ опредѣлить съ точностью; принимая во вниманіе, однако, такіе примѣры контаминаціи обоихъ образованій, какъ *кѣхомъ* (вм. *кѣмъ*), *кѣша* (вм. *кѣ*), *кѣсте* (вм. **кѣте*) или *кѣмъ* (вм. *кѣма*), *кѣхъ* и т. п., которые встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ глаголическихъ памятникахъ¹⁾, мы не ошибемся, если скажемъ, что борьба между двумя формами началась гораздо раньше того времени, къ которому относятся эти памятники²⁾. Это обстоятельство дѣлаетъ въ свою очередь не невозможнымъ предположеніе, что и форма *кѣ* произошла изъ *кѣста* по аналогіи *кѣ*, восходящей къ **bhu-t*³⁾. А разъ это такъ, то 1) намъ сразу дѣлается понятнымъ, почему форма *кѣста* встрѣчается въ памятникахъ только въ прямой рѣчи, а *кѣ*—

1) O. Wiedemann, Beiträge zur altbulg. Conjug. SPb. 1886. S. 35—36. A. Leskien, тамъ же, стр. 122.

2) Данныя живыхъ славянскихъ языковъ указываютъ на то, что для большинства говоровъ общеславянскаго языка процессъ этотъ закончился еще до выдѣленія ихъ въ самостоятельныя нарѣчія.

3) O. Wiedemann, стр. 35.

только въ условной; 2) мы освобождаемся отъ необходимости конструировать для языка Кирилла и Меѳодія двѣ формы условнаго склоненія.

Изъ приведенныхъ соображеній читатель могъ убѣдиться, что аргументація Шлейхера и его послѣдователей по меньшей мѣрѣ *недостаточна*. Но объясненіе Шлейхера не только недостаточно, но и *несостоятельно*, такъ какъ заключаетъ въ себѣ рядъ внутреннихъ противорѣчій. Въ самомъ дѣлѣ, если употребленіе окончанія -тъ въ 3 л. ед. аор. есть результатъ аналогіи, то вполне законенъ и само собою напрашивается вопросъ, почему это явленіе ограничено предѣлами только трехъ строго опредѣленныхъ глагольныхъ категорій, а не распространилось на всѣ. «Группировка по аналогіи, говоритъ Г. Пауль, совершается тѣмъ легче и сопровождается тѣмъ прочнѣйшими результатами, съ одной стороны, чѣмъ больше согласія въ значеніи и звуковой формѣ, съ другой стороны, чѣмъ интенсивнѣе запечатлѣны въ памяти элементы, способные къ образованію аналогическихъ группъ»¹⁾. Не трудно видѣть, однако, что категорія глаголовъ, употребляющихъ въ аористѣ окончаніе -тъ, находится относительно этихъ условій аналогического образованія не только не въ болѣе, но скорѣе даже въ менѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ другіе классы и разряды глаголовъ. Это послѣднее наблюденіе особенно справедливо относительно матерьяльнаго сходства нашихъ формъ аор. съ соотвѣтствующими формами наст. вр.: нѣтъ сомнѣнія, что такія формы аор., какъ *несе*, *лѣки* гораздо больше напоминаютъ формы наст. вр. *несетъ*, *лѣкитъ*, чѣмъ *кля*, *пожарѣ*—*клянетъ*, *жаретъ*; между тѣмъ первыя никогда не представляютъ флексіи -тъ, въ то время какъ вторыя — постоянно. То же самое можно сказать и объ интенсивности формальнаго значенія нашей группы глаголовъ. Если послѣдняя, по словамъ того же ученаго²⁾, пропорціональна количеству отдѣльныхъ словъ, принадлежащихъ къ известной группѣ, то тѣ 30—40 глаголовъ,

1) «Principien der Sprachgeschichte»² Halle 1886. S. 88.

2) Тамъ же, стр. 88.

которымъ извѣстно окончаніе -тъ въ аор., и въ этомъ отношеніи должны уступить пальму первенства почти всѣмъ другимъ глагольнымъ разрядамъ. Такое привилегированное положеніе одной маленькой группы глаголовъ среди всѣхъ другихъ пытались-было объяснить «незначительнымъ объемомъ и вслѣдствіе этого недостаточною выразительностью формъ нашей группы»¹⁾; но съ такимъ объясненіемъ не мирятся фѣрмы стѣ, гѣна и т. п., никогда не употребляющія ок. -тъ, хотя числомъ своихъ слоговъ онѣ не превосходятъ формы вродѣ ѣѣ, жѣрѣ и пр.

Изъ этого краткаго разбора гипотезы Шлейхера, читатель видитъ, что послѣдняя не можетъ быть признана отвѣчающей современнымъ научнымъ требованіямъ. Такой результатъ, впрочемъ, и не покажется намъ удивительнымъ, если мы обратимъ вниманіе, какъ Шлейхеръ и его послѣдователи обосновывали свою теорію. И Шлейхеръ, и Лескинъ, и Ягичъ приходили къ мысли о невозможности архаическаго происхожденія ок. -тъ путемъ чисто внѣшняго сопоставленія переданныхъ намъ памятниками формъ клѣтъ, жѣрѣтъ и т. д. съ предполагаемыми индо-европ. формами сигматич. аор. Но такой пріемъ былъ бы убѣдительнъ лишь въ томъ случаѣ, если бы къ сравненію можно было привлечь тождественныя образованія и другихъ языковъ, — образованія, которыя могли бы послужить звеномъ, связывающимъ индоевроп. и слав. формы. Разъ послѣднее условіе не соблюдено, — всѣ выводы остаются *in suspensio*, такъ какъ ихъ самая главная предпосылка — непрерывность историческаго развитія указанныхъ формъ остается недоказанной.

Между тѣмъ, можно было бы легко избѣжать этой ошибки, если бы изслѣдователи, не предрѣшая вопроса объ абсолютной древности того или другого вида формы, занялись прежде всего опредѣленіемъ ихъ древности сравнительно съ языкомъ первоначальнаго перевода. Сдѣлать это было бы тѣмъ болѣе необходимо, что возстановленіе главнѣйшихъ особенностей языка Славянскихъ Первоучителей вовсе не такъ безнадежно трудно, какъ

1) В. Ягичъ, тамъ же, стр. 454.

это можетъ показаться на первый взглядъ. Извѣстно, что древнѣйшіе старославянскіе памятники представляютъ собой произведенія не столько самостоятельнаго литературнаго творчества, сколько письменности *традиціонной*. Принимая во вниманіе, что втеченіи только двухъ вѣковъ, отдѣляющихъ древнѣйшіе глаголич. памятники отъ языка первоначальнаго перевода, послѣдній не могъ радикально измѣниться въ устахъ переписчиковъ, мы можемъ заключить а priori, что новообразованія въ языкѣ нашихъ памятниковъ должны уступать количественно формамъ, унаслѣдованнымъ по традиціи. Это обстоятельство даетъ возможность опредѣлять относительную древность двухъ формъ *статистически* путемъ болѣе или менѣе точнаго подсчета случаевъ орфографическаго колебанія формы. Этотъ статистическій методъ можно формулировать въ видѣ такого правила: *если изъ двухъ формально-противоположныхъ образованій А и В, А представлено во всѣхъ или почти всѣхъ памятникахъ гораздо бѣльшимъ числомъ приписокъ, чѣмъ В, то первое скорее заслуживаетъ названія «архаическаго», чѣмъ послѣднее*¹⁾.

Намъ остается теперь приложить это правило къ употребленію нашихъ формъ памятниками, чтобы стать на путь вѣрнаго рѣшенія вопроса.

Если выписать изъ десяти древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ формы какъ съ ок. -тъ, такъ и безъ послѣдняго, то въ результатѣ получится очень любопытная таблица количественнаго распространенія ихъ въ различныхъ памятникахъ. Не желая утомлять читателя подробностями статистическаго распредѣленія каждой формы каждаго глагола, мы просимъ его теперь обратить вниманіе только на слѣдующія *общія* цифры распространенія формъ того и другого вида въ различныхъ памятникахъ.

1) Самой собой разумѣется, что подобное правило не есть *законъ*, т. е. имѣетъ силу не всегда и не при всякихъ условіяхъ. Поэтому статистическій методъ можетъ привести къ серьезнымъ научнымъ результатамъ только тогда, когда соединяется съ историко-сравнительнымъ, которому, во всякомъ случаѣ, должно принадлежать послѣднее слово въ рѣшеніи вопроса.

ПАМЯТНИКИ:	Ф о р м ы.	
	съ ок. -тъ.	безъ ок. -тъ.
Клоцовъ сб.	36	0
Зографское Ев.	94	6
Маринское Ев.	96	6
Ассеманово Ев.	68	1
Синайская Пс.	35	2
Синайскій Тр.	6	1
Хиландарскіе Л.	1	0
Саввина Кн.	39	2
Остромирово Ев.	58	15
Супрасльская ркп.	31	116
<hr/>		
Итого	464	149
[безъ Супрасльской ркп.]	433	33]

Уже при бѣгломъ взглядѣ на эту табличку невольно бро-сается въ глаза громадное численное преобладаніе въ памятни-кахъ формъ съ-ок. -тъ надъ формами безъ этой флексіи. Если даже принять въ расчетъ цифры Супр. ркп. — единственного памятника, въ которомъ наблюдается обратное отношеніе, — и въ такомъ случаѣ число формъ аор. съ ок. -тъ превзойдетъ болѣе, чѣмъ въ три раза, сумму формъ противоположнаго рода. Число послѣднихъ покажется еще ничтожнѣе, если мы исключимъ на время изъ сферы своихъ наблюденій данныя Супр. ркп.: обра-зованія аориста, лишеныя ок. -тъ, не составляютъ въ такомъ случаѣ и 10% общаго числа формъ. Но какъ показываетъ таб-лица, и это число распредѣлено въ памятникахъ неравномѣрно, но тѣмъ меньше, чѣмъ древнѣе памятники; отсюда понятно, по-чему глаголическіе памятники употребляютъ формы аор. безъ ок. -тъ гораздо рѣже кирилловскихъ, и почему одной изъ древнѣй-шихъ глаголическихъ рукописей — Клоцову сб. эти формы не-знакомы совсѣмъ.

Такое замѣчательное согласіе въ степени распространенія формъ въ памятникахъ, точно сговорившихся ставить образованія съ ок. -тъ тамъ, гдѣ мы ожидали бы формы безъ этой флексіи, можно объяснить только тѣмъ, что первыя представляютъ общее наслѣдіе нашихъ памятниковъ изъ эпохи и языка первоначальнаго перевода. А если такъ, то ео ірсо намъ придется признать, что формы, подобныя клатъ, журтъ и витъ, составляли въ этомъ языкѣ не исключеніе, а *правило*.

Итакъ, слѣдовательно, формы аор. съ ок. -тъ *относительно* древнѣе образованій, лишенныхъ этого окончанія. Но отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что онѣ древнѣе и *абсолютно*, т. е. что уже въ общеславянскій періодъ онѣ составляли единственно возможные формы аориста. Въ исторіи любого языка можно найти безчисленное количество примѣровъ такъ называемой «кажущейся» древности звука или формы, когда элементъ, уже давно исчезнувшій въ обиходѣ языка, возрождается снова подъ вліяніемъ какихъ-нибудь вторичныхъ условій, напр. аналогіи. Гдѣ порука, что и наши формы не принадлежатъ къ числу подобныхъ вторичныхъ, хотя и очень древнихъ, образованій?

Но противъ послѣдняго предположенія рѣшительно говорятъ соображенія собственно лингвистическія.

1) Въ числѣ глаголовъ, почти постоянно употребляющихся ок. -тъ, особенно замѣчательно образованіе типа оумръти. Какъ извѣстно, глаголъ этотъ имѣетъ троякую форму 3 л. ед. аор.: оумръ (или оумръ), оумре и оумръ. Но замѣчательно, что ок. -тъ, почти постоянно сопровождающее первую изъ этихъ формъ, совершенно отсутствуетъ, судя по древнѣйшимъ старослав. памятникамъ, въ послѣднихъ двухъ. Чѣмъ объяснить такую привилегію формы оумръ? Конечно, не вліяніемъ наст. вр., которое въ такомъ случаѣ мы ожидали бы скорѣе видѣть въ формѣ оумре. Настоящую причину слѣдуетъ искать въ относительной древности формы оумръ. Какъ доказываютъ живыя славянскія нарѣчія, вторая основа нашего глагола звучала въ общеславянскую эпоху **mer* (лит. *mèr*); откуда по извѣстному закону

*mǣ. Въ старослав. языкѣ эта основа очень рано подверглась вліянію основы наст. вр., и потому уже въ глаголич. памятникахъ рядомъ съ древнѣйшей формой оумръѣ находимъ и позднѣйшую оумьръѣ¹⁾. Отъ послѣдней формы (представляющей контаминацію основы неопр. накл. съ основой наст. вр.) былъ одинъ только шагъ къ формѣ оумьре (при неопр. накл. *оумьрти). Переходъ группы ѣ передъ согл. въ г повелъ къ образованію формы оумьрѣ. Обѣ послѣднія формы возникли такимъ образомъ въ сравнительно позднюю эпоху, когда ок. -тъ продолжало употребляться даже въ оумьртѣ только по инерціи, и настолько омертвѣло формально, что перешло и во 2 л. ед. аор. (по аналогіи отношенія какъ 2 и 3 ед. кѣде — кѣде, несе — несе)²⁾.

2) При изслѣдованіи генезиса какой-либо глагольной формы очень важно свидѣтельство *недостаточныхъ глаголовъ*. Вслѣдствіе плохой прозрачности своего строенія, послѣдніе одинаково хорошо обезпечены какъ отъ вліянія аналогіи другихъ глаголовъ, формальная связь съ которыми въ сознаніи говорящаго обыкновенно бываетъ разрушена, такъ и отъ измѣненій фонетико-физиологическаго характера: ихъ морфологическая изолированность дѣлаетъ ихъ въ этомъ отношеніи почти неуязвимыми. Отсюда понятно, почему недостаточные глаголы сохраняютъ въ себѣ нерѣдко такія черты строенія, которыя другіе глаголы потеряли уже давно. Прекраснымъ примѣромъ такой языковой «окаменѣлости» служить глаголь сатъ³⁾. Этимологически весьма

1) A. Leskien, Handbuch³, стр. 129.

2) Впрочемъ, въ наукѣ существуетъ и другое мнѣніе, о происхожденіи формъ оумьре и оумьрѣ. Ср. напр. Ульянова «Основы наст. вр. въ старослав. и литовск. языкахъ». Варшава, 1888. На стр. 52 этого превосходнаго труда авторъ высказываетъ предположеніе о первоначальности формъ оумьрти, пожьрти, возникшихъ изъ *оумьрти, *пожьрти и соотвѣствующихъ лит. mirtī, dirti и т. п. Но противъ такого объясненія говоритъ не только единосложное свидѣтельство *всѣхъ* живыхъ слав. нар., но и сравнительно позднее употребленіе формъ въ родѣ пожьрти (преимущественно въ Супр. рип.). Какъ новообразованія русскаго азыка мы разсматриваемъ и бѣлорусскія и малорусскія формы *мерти, перти* и т. п.

3) Довольно полный сводъ мнѣній объ этомъ интересномъ глаголѣ см. въ ст. Н. Шлякова «Частицы ста, ста-ни и пн.» Р. Ф. В. 1898, № 3—4, стр. 174—175.

темный, этотъ глаголь встрѣчается въ качествѣ формы 3 л. ед. аориста 27 разъ въ одномъ только Клоцовомъ сб. Если бы ок. -тъ этой формы было заимствовано изъ наст. вр., то, конечно, писецъ этой едва-ли не древнѣйшей старослав. рукописи обмолвился бы хоть однажды правильной формой¹⁾. Правда, рядомъ съ формой сѣтъ въ другихъ памятникахъ — именно Маринскомъ Ев. и Супрасльской ркп. — встрѣчается и форма сѣ²⁾, но древность послѣднихъ рукописей не можетъ идти въ сравненіе съ древностью Glagolita Clozianus. Такой же удивительный архаизмъ представляетъ собой форма измѣ-тъ, встрѣчающаяся однажды на страницахъ Синаиск. Пс. въ фразѣ жтрока моѣ измѣтъ сѣ³⁾ (οὐ νεφοῖ μου ἠλλοιώθησαν). Эта форма, находящаяся въ этимологическомъ родствѣ съ латышск. глаг. mīt (мѣнять) и слав. мѣна⁴⁾, не можетъ быть иначе объяснена, какъ форма аор. съ *архаическимъ* окончаніемъ -тъ.

3) Еще Миклошичъ указалъ, что древнер. памятники (и изъ нихъ прежде всего Остром. Ев.), употребляющіе въ наст. вр. исключительно ок. -тъ, въ написхъ формахъ сохраняютъ фл. -тъ безъ перемѣны. Насколько вѣрно предложенное Миклошичемъ объясненіе *происхожденія* этого явленія, какъ южнославянскаго *rag excellence*, настолько несостоятельно истолкованіе *значенія* того же явленія. Наши древніе памятники не измѣняютъ аористической флексіи -тъ въ тѣ не потому конечно, что «не знали, какъ отнестись къ окончанію»⁵⁾, а потому, что считали его инымъ по происхожденію, чѣмъ фл. -тъ въ наст. вр. Справедливость такого именно предположенія доказываетъ не только

1) Встрѣчающаяся однажды форма сѣти (ср. V. Vondrák, Glag. Clozův, стр. 19) не можетъ служить реминисценціей древняго ок. тѣ. Въ виду исключительности этой формы гораздо правильнѣе смотрѣть на эту форму, какъ на опіску.

2) Въ обоихъ по одному разу.

3) Leskien, Handbuch³, стр. 132.

4) Какъ недавно показалъ г. Горакъ, къ той же семьѣ корней принадлежатъ и основа *мѣлѣ- (ст.-сл. мѣлѣни). Къ этимології компаративнѣго кмеле *мѣлѣ- Listy fil. R. XXVI, стр. 116—123.

5) Ягичъ. тамъ же, стр. 454.

сравнительно строгая закономерность этого явления въ Остром. Ев., но и очень частое употребленіе древнерусскими памятниками ок. -тъ въ 3 л. ед. и мн. имперфекта и даже аор. ¹⁾. Последнее обстоятельство для насъ особенно важно, такъ какъ оно исключаетъ мысль, будто ок. -тъ въ такихъ формахъ, какъ *клатъ*, могло показаться русскимъ писцамъ чуждымъ для ихъ языка.

Таковы собственно-лингвистическія соображенія, которыя, выполнивъ гармонируя съ указаннымъ нами количественнымъ преобладаніемъ формъ съ ок. -тъ надъ ихъ антиподами, даютъ первымъ право считаться не только относительно, но и *абсолютно* болѣе древними, чѣмъ вторые.

Но если такъ, то рождается новый вопросъ: какъ же квалифицировать наши формы морфологически? Выше мы видѣли, что существуютъ вѣскія основанія не считать ихъ формами сигматич. аор. Къ какой же категоріи ихъ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ причислить?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Супрасльская рукопись.

Мы видѣли, что эта рукопись представляетъ единственное исключеніе между другими старослав. памятниками, употребляя формы безъ ок. -тъ въ пять разъ чаще формъ противоположнаго рода. Причина этого явления заключается, конечно, въ сравнительно позднемъ возрастѣ нашего памятника, благодаря которому ок. -тъ отпадаетъ очень часто даже въ наст. вр. ²⁾. Если теперь сопоставить съ этимъ фактомъ другую оригинальную черту языка Супр. ркп. — почти полное отсутствіе въ немъ формъ *простого аориста*, то невольно напрашивается догадка,

1) Примѣры употребленія ок. -тъ въ 3 л. аор. такихъ глаголовъ, какъ *вѣде, нсе*, приведены въ достаточномъ числѣ въ слѣдованіи П. А. Лавровскаго «О языкѣ сѣв. русс. лѣтописей». Спб. 1852, стр. 89. Относительно перехода этого окончанія въ южно-русс. памятникахъ перед. слѣд. и въ ти и тм см. замѣчанія А. Шахматова въ «Beiträge zur russischen Grammatik» (Archiv für Slav. Philol., VII, стр. 73—76).

2) Именно болѣе 80 разъ, въ то время какъ въ другихъ глаголич. и кирилл. памятникахъ это явленіе неизвѣстно почти совсѣмъ. (Ср. O. Wiedemann, O. s., стр. 13—14).

не находятся ли оба эти явления во внутренней связи другъ съ другомъ? А эта догадка влечетъ за собой другое предположеніе: не представляютъ-ли формы: *клатъ*, *жрѣтъ* и *витъ* образованія не слабаго, а *сильнаго аориста на гласную?*

Что такой аористъ могъ существовать въ слав. языкахъ, на это ясно указываютъ такія формы какъ да (ср. санскр. a-dhā-s, a-dhā-t и греч. ἔδω-ς, ἔδω), кѣ (индоевр. bhū-ē-s, bhū-ē-t), стѣ (санскр. a-sthā-s, a-sthā-t и греч. ἔστη-ς, ἔστη). Изъ этого, конечно, не слѣдовало бы, что и наши формы представляютъ образованія сильнаго аориста, если бы мы не имѣли факта, косвенно подтверждающаго это предположеніе. Мы доказали выше, что въ языкѣ первоначальнаго перевода были только формы съ ок. -тъ. Но если такъ, то не *клатъ*, *жрѣтъ* и пр. возникли изъ *кля*, *ждрѣ* и пр., а наоборотъ послѣднія изъ первыхъ. По аналогіи, мы въ правѣ заключить, что и да произошло изъ **датъ* или **дат*, вытѣсненнаго въ старослав. языкѣ еще до начала письменности формою сигматич. аор. *дастъ*. Если эта дедукція вѣрна, то употребленіе *кля*, *ждрѣ* и другихъ формъ безъ ок. -тъ должно быть пропорціонально употребленію да. Памятники блестяще оправдываютъ это апіорное предположеніе: *Клоцовъ сб.* и *Ассеманово Ев.*, не знающіе почти совсѣмъ формъ, лишенныхъ флексіи, почти не употребляютъ и формы да; напротивъ, *Супрасльская ркп.*, сравнительно богатая ими, употребляетъ форму да болѣе 30 разъ.

Мы привели это соображеніе только потому, что оно, если и косвенно, то все-таки фактически подтверждаетъ нашу гипотезу; но послѣдняя въ крайнемъ случаѣ, можетъ легко обойтись и безъ этого доказательства. Если *клатъ*, *жрѣтъ* и пр. не могутъ быть формами слабаго аориста, то этотъ аористъ можетъ быть только несигматич., уже въ силу логическаго закона исключеннаго третьяго.

Намъ могутъ, однако, задать вопросъ: если наши формы представляютъ собой образованія сильнаго аор., то почему онѣ имѣютъ окончаніе неисторическихъ временъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть двоякій: окончаніе -тъ представляетъ собой или остатокъ медіальной флексіи, какъ думалъ еще Боппъ во второмъ изданіи своей Грамматики, или есть результатъ простаго заимствованія изъ иньюнктива. Какое изъ этихъ двухъ предположеній болѣе вѣроятное, доказать, при современномъ состояніи вопроса, нельзя. Поэтому, намъ остается утѣшаться мыслью, что если флексія нашихъ формъ и не подтверждаетъ гипотезы, то, во всякомъ случаѣ, и не противорѣчитъ ей...

Г. Ильинскій.
